Глава 74.

У второй ветви семьи Мэн помимо главной жены и ее двух детей, было еще три наложницы, один незаконнорожденный сын и две незаконнорожденные дочери. Всех их утащили солдаты Гвардии Вышитой униформы, и заключил в Небесную тюрьму. Звуки их мучительных воплей, мольбы о прощении и яростные проклятия полностью смыли радостную атмосферу. Все в поместье Князя Обороны, от хозяев до слуг, молчали и сохраняли торжественный и почтительный вид. Сегодня они испытали на себе, что такое гнев Сына Неба и кровавая баня.

Члены каждой боковой ветви клана Мэн, включая старейшин, услышали эту новость. Они не только не винили Князя Обороны Мэн, но даже внутренне радовались решительной манере, с которой он справился с этим вопросом, и его способности поставить праведность выше кровных уз. В противном случае, если бы Император лично расследовал это дело, ни у кого в пределах девяти степеней родства клана Мэн не было бы надежды на выживание. Более того, они разделяли глубокую ненависть ко второй ветви семьи, которая настаивала на том, чтобы сделать из этого большое дело. Они не испытывали к ним ни малейшего сочувствия и не возражали по поводу их наказания.

Вэнь Иннань и ее дети не имели права идти в главный зал и засвидетельствовать свое почтение Императору, к тому же Мэн Руйжу вызвала проблемы, поэтому они уже давно были отправлены обратно во двор.

Князь Обороны Мэн привел свою жену и сына, чтобы официально засвидетельствовать свое почтение Императору и Шуфэй. После этого они пригласили пару принять участие в семейном банкете. На стол подавались обжигающе горячие блюда и ароматные вина, но сидящие за столом все еще помнили произошедший ранее фарс, поэтому их поведение было довольно сдержанным.

– Поскольку это семейный банкет, можно обойтись без формальностей. – Император Чжоу’Ву взял свои палочки для еды и наполнил миску Мэн Санью различными блюдами. Только увидев это, выражения лиц Князя Обороны Мэн и остальных слегка расслабились.

Перед Императором поставили тарелку с тушеным окунем. Он уже собирался взять палочки для еды и убрать для Мэн Санью кости, когда неожиданно его остановила ее рука. Женщина мягко сказала:

– Ваше Величество, позвольте этой наложнице. – Улыбаясь, она взяла кусок рыбьего живота, одну из самых сочных и нежных частей рыбы, осторожно удалила кости, положила кусок рыбы на блюдо Императора и тихо сказала: – Кушайте. Как только остынет, появится рыбный запах.

Брови Императора Чжоу’Ву поднялись, он прищурился и съел кусок рыбы. Скрыть его счастливую улыбку было невозможно. Мэн Санью также выбрала несколько креветок, пропитанных чаем, очистила их от панциря и тоже положила на его тарелку. Ее действия были очень заботливыми.

Какая практичная маленькая шалунья! – Втайне хихикал Императора Чжоу’Ву, пока ел. Он просто до глубины своего сердца любил эту ее сторону. – Санью на самом деле очень проста. Если относиться к ней хорошо, она обязательно отплатит тем же. С ней легко ладить.

Съев еще несколько кусочков, он взял у ближайшей служанки влажный носовой платок, вытер жирные кончики пальцев Мэн Санью и сказал с улыбкой:

– Любимая супруга много работала. Ешь сама, нет необходимости заботиться о Чжень. – Сказав это, он наполнил миску Мэн Санью до краев всеми ее любимыми блюдами.

Их чрезвычайно теплое взаимодействие, в котором было молчаливое понимание, неоднократно шокировало сидящих за столом членов семьи Мэн. Бессознательно они расслабились. Матушка Мэн, увидев нескрываемую привязанность в глазах Императора, очень удивилась.

Каковы истинные намерения Его Величества? Может быть, он действительно любит мою дочь и планирует сделать ее императрицей?

С другой стороны Князь Обороны Мэн не слишком об этом задумывался. Он взял свой кубок с вином и произнес тост за Императора. Увидев, что Император в ответ опорожнил свой кубок, Отец Мэн радостно улыбнулся. Мэн Яньчжоу, с покрасневшим лицом, встал и пробормотал несколько слов верности и преданности Императору, а потом выпил три кубка подряд. Император дал ему лицо и тоже выпил три кубка. Атмосфера во время семейного банкета постепенно потеплела. Были слышны ясные и яркие голоса трех мужчин, которые разговаривали, смеялись и обменивались друг с другом тостами. Они выглядели не как правитель и его подданные, а скорее как члены одной семьи. Матушка Мэн и Мэн Санью посмотрели друг на друга, покачали головами и улыбнулись.

После трех раундов вина Мэн Санью заметила, что щеки Императора Чжоу’Ву слегка покраснели. Вспомнив, что они должны вернуться во дворец к шести часам вечера, она дернула его за рукав под столом, намекая, что он должен меньше пить. Это маленькое действие, как у обычной жены по отношению к мужу, очень ему понравилось, и он повернулся, чтобы на нее посмотреть. Его темные, непостижимые глаза, сегодня выглядели особенно ясными. Он укусил ее за ухо и прошептал:

– Чжень не напился. Однако, поскольку тебе это не нравится, Чжень больше не будет пить.

Поймав на себе удивленные взгляды родителей и брата, Мэн Санью взглянула на мужчину. Этот взгляд, который подразумевал, что она кокетливо симулирует гнев, заставил его рассмеяться.

Такая близость и интимность не могут быть подделкой. – Матушка Мэн и Отец Мэн чокнулись кубками и улыбнулись с нескрываемым облегчением.

После банкета Мэн Санью повела Императора прогуляться по поместью Князя Обороны, а

потом они немного вздремнули в ее будуаре.

Вскоре наступило шесть часов. Мэн Санью сидела в императорской карете и искренне махала на прощание родственникам, которые пришли ее проводить. Когда она отвернулась, на ее лица отразилось нежелание расставаться.

– Посмотри на свое лицо. Это не значит, что ты никогда их больше не увидишь. – Пошутив, Император Чжоу’Ву притянул ее в свои объятия и поцеловал.

Исходящий от мужчины, мягкий аромат вина распространился по вкусовым рецепторам их спутанных языков, отчего Мэн Санью немного опьянела. Она прижала ладони к его щекам и взяла на себя инициативу углубить поцелуй. Через некоторое время она с большим трудом разомкнула их губы и тихо сказала:

– Ваше Величество, спасибо Вам за сегодня.

– Пока ты счастлива. – Потерев пальцем ее нос, мужчина удовлетворенно улыбнулся. Эта чистая и простая улыбка заставила сердце Мэн Санью затрепетать.

Новогодние праздники скоро закончатся, и холодная зима близилась к концу. От солнечных лучей постепенно таял толстый покров снега, а на голых ветвях деревьев начали появляться почки.

Однако в сердцах императорских наложниц суровая зима все еще властвовала, потому что Император не только лично сопровождал Шуфэй в гости к ее родственникам, но и несколько месяцев отдыхал во дворце Би’Сяо. В свой собственный дворец Цяньцин мужчина возвращался крайне редко, а ко всем остальным наложницам он вообще был слеп. Если это продолжится, будет ли еще для них место во дворце?

С размещенными повсюду солдатами Гвардии Вышитой униформы, которые блокировали все схемы, направленные на Его Величество, императорские цензоры не осмеливались лезть в дела императорского гарема. Однако несколько высокопоставленных наложниц не могли больше сидеть на месте и отважились пожаловаться во дворец Синин.

После их неоднократных визитов, даже равнодушная Вдовствующая императрица больше не могла с этим мириться, и вызвала Его Величество что бы отругать его.

Как только ее сын сел, Вдовствующая императрица нахмурилась и сказала:

– Ваше Величество, Шуфэй не единственная императорская наложница, которая сохранила свою чистоту. Если Вы благоволите ей таким громким образом, неясно, будет ли это благословением или проклятием. Семья Мэн уже достаточно бросается в глаза. Ваше поведение только приведет к тому, что она станет мишенью.

Лицо Император Чжоу’Ву ничего не выражало, а глубокие глаза мешали угадать его мысли.

Увидев сына в таком состоянии, Вдовствующая императрица сбавила тон и продолжила:

– Как насчет того, чтобы Айцзя продвинула несколько императорских наложниц, тем самым развеяв все злые намерения? Позиции императрицы, императорской благородной супруги и благородной супруги пусты. Осталось только две супруги из четырех. Это действительно несколько стыдно.

– Мать Императрица может делать все, что считает нужным. – Император Чжоу’Ву играл чашкой в руке, его тон был крайне равнодушным, как будто это не имело к нему никакого отношения. Внезапно он о чем-то подумал и его холодное, строгое выражение лица стало мягким. Он повернулся к Вдовствующей императрице и осторожно сказал: – Как только Санью забеременеет, Ваш сын хотел бы назначить ее императрицей. Поскольку Мать Императрица также хотела бы поддержать нескольких других наложниц, почему бы сначала не повысить Санью до Гуйфэй?

Гуйфэй – Наложница высокого статуса, вторая после императрицы.

– Все в порядке. Айцзя издаст указ до Нашего отъезда, но Мы не будем присутствовать в церемонии назначения. Это слишком утомительно. – Вдовствующая императрица кивнула, но ее брови снова нахмурились, а голос стал довольно беспомощным. – Отдохните в другом дворце, чтобы заткнуть этих женщин. Айцзя отправится на гору Тысячи Будд к середине месяца, так что пусть у Айцзя будет мир и покой в течение нескольких дней.

– Пожалуйста, не волнуйтесь. Скоро они не будут приходить, и беспокоить Мать Императрицу. – Император Чжоу’Ву похлопал Вдовствующую императрицу по тыльной стороне руки, его глаза вспыхнули.

Выйдя из дворца Синин, он, как обычно, направился к дворцу Би’Сяо, и уже прошел примерно полпути, прежде чем вспомнить инструкции Вдовствующей императрицы. Мужчина поколебался, прежде чем повернуть к ближайшему дворцу, дворцу Юфу.

Услышав эту новость, Прекрасная супруга быстро привела группу слуг к воротам, чтобы приветствовать Императора. Ее раскрасневшееся лицо выдавало волнение.

– Встань. – Равнодушно сказал Император Чжоу’Ву и прошел мимо нее, во внутренние покои. Посидев некоторое время у кровати крепко спящего Шестого принца, он осведомился о его здоровье, а потом ушел в боковой зал, где жила Кай’рен Ву.

Прекрасная супруга сняла свой роскошный, изысканный макияж, свирепо смахнула свои туалетные принадлежности на землю и горько улыбнулась, вспомнив, что Кай'рен Ву не пила суп для предотвращения беременности.

Кай’рен Ву услышала объявление евнуха и выбежала из дворцового зала, чтобы поприветствовать Императора. Увидев несравненно красивого мужчину, каждое действие которого внушало благоговейный трепет, она покраснела, и ее большие сверкающие круглые глаза заблестели.

– Эта наложница приветствует Ваше Величество. – Кай’рен Ву преклонила колени в знак приветствия, обнажив белоснежную шею.

Однако Император Чжоу’Ву отреагировал так, словно не видел прекрасного зрелища перед собой. Прежде чем войти в дворцовый зал, он махнул рукой и сказал:

– Обойдемся без формальностей.

Когда он вошел в дверь, сильный запах ладана напал на его нос, заставив громко чихнуть.

– Ваше Величество простудились? Быстро подойдите к жаровне, чтобы согреться. – Кай’рен Ву сделала два шага вперед, желая поддержать Императора рукой, но из-за застенчивости снова отступила. Каждое действие демонстрировало трогательное, очарование молодой девушки.

Если бы это была Санью, она либо вообще не подошла, либо была бы чрезвычайно заботливой. Она ни за что не прибегла бы к тактике «поймай и отпусти».

Чувствуя все большее раздражение, Император Чжоу’Ву искоса посмотрел на Кай’рен Ву. Его взгляд заставил ее сердце забиться быстрее. Она лично налила чашку чая, прежде чем очень осторожно поставить ее перед ним. Мужчина взял чай, но сделав только один глоток, отодвинул чашку в сторону.

Чай хорош на вкус, но в том, как он заварен, нет даже одной десятитысячной мастерства Санью, его трудно пить.

Кай’рен Ву почувствовала нетерпение Императора и, опустив голову, попыталась найти тему для разговора.

– Ваше Величество, на днях эта наложница набросала каллиграфический рисунок и почувствовала, что ему не хватает привлекательности, но эта наложница не может понять, чего не хватает. Можете ли Вы помочь этой наложнице?

– Принеси сюда. – Прищурившись, равнодушно ответил Император Чжоу’Ву.

Сердце Кай’рен Ву наполнилось радостью, и она поспешно позвала служанку, чтобы та принесла Императору ее самое совершенное произведение каллиграфии. Кай’рен Ву происходила из семьи, известной в литературном искусстве, поэтому, хотя она сказала, что недовольна своей работой, на самом деле она была в ней уверена.

Взяв каллиграфию, Император Чжоу’Ву только взглянул, прежде чем потерять всякий интерес.

Навыки не поверхностны, но не хватает фундаментального мастерства, акцент на артистизме слишком сильный, а духовности, которая присуща каллиграфии Санью, нет вообще.

Глядя на сидящую рядом с ним очаровательную женщину, которая, притворяясь скромной, не могла скрыть гордость в своих глазах, Император Чжоу’Ву внезапно почувствовал, что она совершенно скучна.

– Не хватает духовности. Тебе нужно еще несколько лет практиковаться. – Бросив эти слова с апатичным выражением лица, он отложил каллиграфию в сторону, встал, развернулся и поспешно ушел.

Чан Си побежал догонять его. Он оглянулся назад, чтобы взглянуть на Кай’рен Ву, выражение лица которой было наполнено удивлением и болью, и, размышляя, покачал головой:

Она действительно талантлива и красива. Однако перед Ее светлостью Шуфэй какой бы красивой ни была женщина, боюсь, что в сердце Его Величества ее будут считать только заурядной и скучной.

Во дворце Би’Сяо Мэн Санью положила почти законченный вышитый мешочек и сказала:

– Уже почти шесть вечера. Его Величество должен скоро вернуться. Пошлите кого-нибудь на императорскую кухню и скажите, чтобы подали еду.

Няня Фэн поколебалась мгновение, а потом прошептала:

– Отвечая Вашей светлости, Его Величество отправился во дворец Юфу. Эта слуга слышала, что сегодня вечером он решил посетить Кай’рен Ву. Эта слуга боится, что сегодня он не вернется.

Мэн Санью на мгновение растерялась, и, пережевывая слово «вернется», которое она нечаянно выпалила, улыбнулась и сама над собой рассмеялась.

Когда это началось? Когда я стала думать, что для Императора естественно «вернуться» во дворец Би’Сяо? Такой образ мышления не годится!

Спокойно приведя в порядок свое рукоделие, она встретилась с обеспокоенным взглядом няни Фэн.

– Если он не придет, значит ли это, что мне не нужно есть? Попросите кого-нибудь принести еду и привести Эр’Бао. Будет он меня сопровождать на ужин или нет, совершенно не важно.

– Понятно. – Няня Фэн почувствовала облегчение и поспешила послать кого-нибудь на кухню. Би Шуй было поручено принести Эр’Бао.

Из-за присутствия Императора Чжоу’Ву Эр’Бао был вынужден мириться с пребыванием в комнате Би Шуй и Инь Цуй. Даже выходя поиграть в императорских садах, они должны были позаботиться о том, чтобы случайно не встретиться с Его Величеством. Иначе евнухи прогнали бы их.

Когда Мэн Санью интимно обнимала щенка, он радостно скулил и отчаянно вилял хвостиком. Его милая мордочка заставила женщину полностью забыть о возникшем минуту назад странном чувстве.

http://tl.rulate.ru/book/22823/2101917